Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18182
EDN: KPQZSC

Категория «очищение» в отечественной критике первой половины XIX в.

А. Ю. Нилова

Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: annnilova@yandex.ru

Аннотация. «Поэтика» Аристотеля сформировала терминологический аппарат европейского литературоведения. Катарсис (очищение) — одна из самых сложных категорий греческого философа. А. Ф. Лосев указывает на синкретический характер катарсиса и отмечает его моральные, психологические, воспитательные, интеллектуальные, религиозно-экстатические и эстетические аспекты, акцентируя внимание на том, что и Аристотель, и античная культура не разделяют эстетическое и этическое. Отечественная критика первой половины XIX в. воспринимала очищение под влиянием европейской традиции: переводов «Поэтики» на европейские языки, французских классицистов (Ш. Баттё) и теоретиков немецкого Просвещения (Г. Лессинг). Русские авторы не используют слово «катарсис», последовательно переводя его как «очищение». А. Ф. Мерзляков и Н. Ф. Остолопов, вслед за Баттё, придерживаются гедонистической теории очищения. У Мерзлякова возникает представление о гуманистической функции очищения. По мнению критика, сострадание включает в себя не только скорбь и сочувствие, но и любовь и желание добра. С. П. Шевырев и Б. И. Ордынский следуют за интерпретацией очищения у Лессинга. Ордынский подробно анализирует связь между очищением, страхом и состраданием и развивает представление о гуманистической сути очищения, возникающей вследствие избавления от эгоизма и общечеловеческой любви. Категория очищения оказывается чрезвычайно близка пасхальному содержанию русской литературы и проявляется у писателей, определивших ее развитие.

Ключевые слова: Аристотель, «Поэтика», «Политика», катарсис, очищение страстей, русская литературная критика, эстетика XIX в., А. Ф. Лосев, А. Ф. Мерзляков, Н. Ф. Остолопов, С. П. Шевырев, Б. И. Ордынский, перевод, интерпретация

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 22-18-00423-П «Античный код русской литературы XIX — начала XX вв.», https://rscf.ru/project/22-18-00423/).

Для цитирования: Нилова А. Ю. Категория «очищение» в отечественной критике первой половины XIX в. // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 74–90. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18182. EDN: KPQZSC

© А. Ю. Нилова, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18182
EDN: KPQZSC

The Category of Catharsis in Russian Literary Criticism of the First Half of the 19th Century

Anna Yu. Nilova
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
e-mail: annnilova@yandex.ru

Abstract. Aristotle's "Poetics" shaped the terminological apparatus of European literary criticism. Catharsis (purification, Rus. "ochishchenie") is one of the most complex concepts in the Greek philosopher's system. A. F. Losev points to the syncretic nature of catharsis and highlights its moral, psychological, educational, intellectual, religious-ecstatic, and aesthetic aspects, emphasizing that both Aristotle and ancient Greek culture do not separate the aesthetic from the ethical. Russian criticism of the first half of the 19th century perceives catharsis under the influence of the European tradition: translations of "Poetics" into European languages, French Neoclassical theorists (Ch. Batteux), and theorists of the German Enlightenment (G. Lessing). Russian authors do not use the word "catharsis," consistently rendering it by the Russian term "ochishchenie" (purification). A. F. Merzlyakov and N. F. Ostolopov, following Batteux, adhere to the hedonistic theory of catharsis. Merzlyakov develops the idea of the humanistic function of catharsis. According to Merzlyakov, compassion encompasses not only sorrow and sympathy but also love and the desire for the good. S. P. Shevyrev and B. I. Ordynsky follow Lessing's interpretation of catharsis. Ordynsky analyzes in detail the connection between catharsis, fear, and compassion and develops the idea of the humanistic essence of catharsis, which arises from overcoming selfishness and universal love. The category of catharsis is very close to the Easter motif (Rus. "paskhal'nost'") in Russian literature and manifests itself in the works of the writers who shaped its development.

Keywords: Aristotle, "Poetics", "Politics", catharsis, purification of passions, Russian literary criticism, 19th-century aesthetics, Losev, Merzlyakov, Ostolopov, Shevyrev, Ordynsky, translation, interpretation

Acknowledgements. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 22-18-00423-П, https://rscf.ru/project/22-18-00423/).

For citation: Nilova A. Yu. The Category of Catharsis in Russian Literary Criticism of the First Half of the 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 74–90. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18182. EDN: KPQZSC (In Russ.)

Идеи и понятия «Поэтики» Аристотеля лежат в основе современной европейской литературоведческой терминологии [Захаров: 3]. При этом, как отмечает И. А. Есаулов, «происходит значительная трансформация и генерализация их исходных смыслов. Более того, такого рода расширение объема понятий является неотъемлемой частью истории филологической науки» [Есаулов, 2020: 34][1]. Одной из самых сложных и темных категорий «Поэтики», претерпевших значительное «расширение и трансформацию», но не получивших хоть сколько-нибудь определенной интерпретации, является категория катарсиса, или очищения. Наиболее полное на сегодняшний день описание теорий катарсиса содержится в фундаментальном исследовании М. М. Позднева [Позднев], но и этот перечень не дает ответа на вопрос о содержании категории катарсиса.

А. Ф. Лосев отмечает, что проблема интерпретации аристотелевского катарсиса едва ли «разрешима окончательно ввиду крайней скудости относящихся к ней текстов у самого Аристотеля» [Лосев: 242], и приводит мнение неоплатоников Ямвлиха и Прокла, считавших, что Аристотель употребляет эту категорию применительно к трагедии «только случайно и в пику Платону» [Лосев: 202]. С последним утверждением сложно согласиться в силу его внутренней противоречивости, однако оно предвосхищает многочисленные признания будущих авторов в собственной беспомощности перед сложностью интерпретации катарсиса. По мнению Т. Бруниуса [Лосев: 202], Аристотель сам не разобрался с этой категорией. В энциклопедии «Der Neue Pauly» высказывается гипотеза о более полном описании содержания и границ категории катарсиса во второй части «Поэтики» [Der Neue Pauly: 1141].

Аристотель упоминает катарсис в двух своих трактатах: «Политика» и «Поэтика». В «Политике» он пишет о катарсисе как результате воздействия музыки:

> «Ввиду того что мы принимаем то подразделение мелодии, какое установлено некоторыми философами, различающими мелодии этические, практические и энтузиастические и определяющими природу отдельных ладов, соответствующую каждому виду

[1] Об этом же см.: [Есаулов, 2021].

этих мелодий, мы утверждаем, что музыкой следует пользоваться не ради одной цели, а ради нескольких: и ради воспитания, и ради очищения (что мы называем очищением — этого теперь мы объяснять не будем, а в сочинении "О поэтике" скажем об этом яснее); в-третьих, ради времяпрепровождения, т. е. ради успокоения и отдохновения от напряженной деятельности» [Аристотель, Политика: 641–642].

И продолжает:

«Для воспитания следует обращаться к тем ладам, которые более всего соответствуют этическим мелодиям, для слушателей же, когда музыкальное произведение исполняется другими лицами, можно пользоваться и практическими и энтузиастическими мелодиями. Ведь переживаниям, сильно действующим на душу некоторых людей, подвержены в сущности все — различие лишь в степени; примеры — состояние жалости, страха, а также энтузиазма. И энтузиастическому возбуждению подвержены некоторые люди, впадающие в него, как мы видим, под влиянием религиозных песнопений, когда эти песнопения действуют возбуждающим образом на душу и приносят как бы исцеление (iatreia) и очищение (katharsis)» [Аристотель, Политика: 642].

Обещания своего — более подробно сказать о катарсисе в «Поэтике» — Стагирит не сдерживает и в этом трактате упоминает катарсис лишь единожды, при описании трагедии:

«ἔστιν οὖν τραγῳδία μίμησις πράξεως σπουδαίας καὶ τελείας μέγεθος ἐχούσης, ἡδυσμένῳ λόγῳ χωρὶς ἑκάστῳ τῶν εἰδῶν ἐν τοῖς μορίοις, δρώντων καὶ οὐ δι᾽ ἀπαγγελίας, δι᾽ ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν» [Aristotle: 173] («…"Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, услащенной поразному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей"» [Аристотель, Поэтика: 651]).

В этом трактате катарсис описывается как цель трагедии и через категории *сострадания* и *страха* связывается с такими важными для теории Аристотеля понятиями, как *последовательность событий*, *удивительное*, *трагическая ошибка* и *трагический герой*. Сострадание и страх, по мысли философа,

возникают, если события оказываются неожиданно связаны причинно-следственной связью [Аристотель, Поэтика: 656], а также если героем трагедии является человек, который «не отличается ни добродетелью, ни праведностью, и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки» [Аристотель, Поэтика: 659].

В работе «История эстетических категорий» (1965) А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков связывают доаристотелевское понимание катарсиса с важным для античной культуры представлением о чистоте. По высказанному в работе мнению, «учение о катарсисе является общеантичным учением», а сама категория катарсиса «свидетельствует о нерасчлененном, синкретическом характере античного эстетического сознания, где этика, эстетика, психология и даже мифология слабо отделены друг от друга и существуют в недифференцированном виде» [Лосев, Шестаков: 89]. Авторы работы утверждают, что «Аристотель рассматривал катарсис как основу наслаждения, считая, что без него не может быть никаких целесообразных эмоций» [Лосев, Шестаков: 89].

В более поздней работе «История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика» (1975) А. Ф. Лосев подробнее останавливается на понятии катарсиса и существующих его интерпретациях. Он указывает, что ни сам Аристотель, ни вообще вся античная литература не употребляют слово *катарсис* «в чисто эстетическом смысле» [Лосев: 202], и возвращается к высказанной ранее мысли о синкретическом характере катарсиса. Лосев отмечает неадекватность для Аристотеля и всей античной культуры интерпретации сострадания исключительно в положительном смысле. Поэтому для Аристотеля, по мысли Лосева, так же важно очистить зрителя от сострадания, как и от страха [Лосев: 211]. Результатом очищения становится удовольствие, но удовольствие специфическое, не сводимое только к сценическим эффектам. Лосев анализирует моральные, психологические, воспитательные, интеллектуальные, религиозно-экстатические аспекты катарсиса и его объективно-структурную функцию. При этом замечает, что трагедия «есть произведение художественное» [Лосев: 219], а катарсис, в том виде, в каком он упоминается

в «Поэтике», основан на мимесисе, и, следовательно, имеет эстетическое значение [Лосев: 218]. Лосев особо оговаривает, что для Аристотеля невозможна абсолютизация эстетического: эстетическое для античного философа неразрывно связано с этическим. Продемонстрированное сложное многоуровневое содержание категории катарсис, ее соотнесенность со всеми частями трагедии позволяют Лосеву сделать вывод о связи катарсиса и античного представления «о всепроникающем и правящем всей вселенной Уме, самодовлеющем и чуждом ограниченности психологических переживаний отдельных и ограниченных человеческих личностей», а также понимания высшего блага человека как «освобождения его разума от слепоты и запутанности этих последних [переживаний] и приобщения его к всеобщему неограниченному и отдаленному от страха и сострадания Уму» [Лосев: 243].

Русская литературно-теоретическая мысль первой половины XIX в. учитывала опыт интерпретации Аристотеля европейской традицией. А. Ф. Мерзляков, читавший Аристотеля в оригинале, видел «нравственную цель трагедии» в том, чтобы

> «тронуть и исправить сердце зрителей; научать, обращая внимание их на внезапные перемены щастия; показать следствия порока и величественную красоту добродетели, и наконец, представить живо, сколь опасно предаваться гибельному стремлению страстей» (*Мерзляков*: 306–307).

Мерзляков не употребляет слова *катарсис*, но говорит об *очищении*. По его мнению, очищаются и исправляются сострадание и ужас, которые возбуждаются в душах зрителей «чрез подражание Трагедии» (*Мерзляков*: 307). Представлением о катарсической роли мимесиса Мерзляков, вероятно, обязан влиянию Ш. Баттё, согласно которому, «средством очищения служит мимесис» [Позднев: 443]. Влиянием Баттё, на которого неоднократно ссылается Мерзляков при интерпретации категорий Аристотеля, объясняется, по всей видимости, и следование критика гедонистической теории катарсиса. Мерзляков не только указывает на нравственную цель трагедии и очищение страстей как ее результат, но и пытается объяснить трансформацию возбуждаемых трагедией горестных чувств в удовольствие. По его мнению, сострадание

заключает в себе не только скорбь и сочувствие, но и любовь и желание добра, благодаря чему вызывает наслаждение:

> «Сострадание, сия главная сила Трагедии, не заключает в себе одно неприятное ощущение скорби и соболезнования, но вместе любовь и желание добра. Весьма благодетельно природа устроила сердце человеческое, соединив в нем кроткие и благие чувствования и страсти с удовольствием и наслаждением» (*Мерзляков*: 307).

На дидактическую, воспитательную функцию как основную цель трагедии указывает и Н. Ф. Остолопов: «Нравственная цель *трагедии* состоит во внушении отвращения к великим преступлениям и любви к великим добродетелям» (*Остолопов*: 279). Действие трагедии, по его мнению, должно быть «ужасным и трогательным» и вызывать «ужас и сострадание» (*Остолопов*: 282). Ссылаясь на Аристотеля, автор словаря объясняет, что такое ужас и сострадание. Здесь Остолопов обращается не к «Поэтике», а к «Риторике». Ужас возникает при воспоминании о событиях, грозящих гибелью или тяжким несчастьем. Для возбуждения ужаса у зрителей поэт должен не просто изобразить героя в таких обстоятельствах, но заставить самого героя вызывать симпатию зрителей. Сострадание Остолопов описывает как «огорчение, которое ощущаем мы при несчастии того, кого почитаем достойным лучшей участи» (*Остолопов*: 283). Такая интерпретация ужаса и сострадания восходит к представлению Аристотеля о герое трагедии как человеке не совершенно порочном, но и не совершенно безвинном. И ужас, и сострадание, по мнению Остолопова, должны развиваться в трагедии до тех пор, пока не достигнут своей наивысшей точки. Остолопов не упоминает ни катарсис, ни очищение, но он пишет об удовольствии, которые вызывает трагедия, возбуждая страсти и вызывая «горесть» (*Остолопов*: 281). Остолопов, как и Мерзляков, находится под обаянием концепции Баттё, полагавшего, что «трагедия была придумана исключительно ради удовольствия» [Позднев: 444]. По мнению французского теоретика, зритель, наблюдая за страданиями героев трагедии, испытывает удовольствие, потому что «отвратительное в зеркале искусства прекрасно» [Позднев: 444].

С. П. Шевырев в сочинении «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (1836) также пишет об очищении. Цитированное определение трагедии Аристотеля он переводит следующим обозом:

> «"Трагедия есть подражание действию важному и совершенному, имеющему величину (μίμησις πράξεως σπουδαίας καί τελείας, μέγεθος ἐχούσης), подражание, которое совершается украшенным языком, приспособленным к отдельному свойству каждой ее части, посредством действующих лиц, а не рассказа, и состраданием и ужасом производит очищение движений нашего духа"» (*Шевырев*: 46).

При комментировании этого отрывка критик подробно останавливается на объяснении мифа, рассуждает о его единстве и полноте, далее анализирует мимесис, но совершенно игнорирует катарсис. Из приведенного фрагмента вывести его интерпретацию очищения нельзя, но можно заметить, что он не говорит об удовольствии как цели трагедии. Ужас и сострадание Шевырев однозначно называет «двумя трагическими стихиями» (*Шевырев*: 106). В другом месте, рассуждая о попытках Горация описать цель искусства и указывая на чуждость подобной постановки вопроса греческой культуре, Шевырев замечает, что «в определении трагедии Аристотель говорит, что она должна служить к очищению страстей» (*Шевырев*: 66, сноска). Своего комментария этому утверждению Аристотеля критик снова не дает, но ссылается на интерпретацию очищения Лессинга:

> «…известно, что Лессинг объяснял это место, относя των τοιούτων παθημάτων к словам ἐλέου και φόβου (состраданию и страху), т. е. что трагедия должна была, по мнению Аристотеля, служить к очищению не всех страстей, а только тех чувств, коими она действует» (*Шевырев*: 66).

В «Гамбургской драматургии» Лессинг утверждал, что Аристотель под фразой «δι᾽ ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν» (посредством сострадания и страха очищение подобных страстей) понимал очищение именно страха и сострадания посредством страха и сострадания [Lessing: 467]. По мнению немецкого теоретика, и у страха, и у сострадания

есть две крайности: слишком сильные страх и сострадание и слишком слабые страх и сострадание. Трагедия должна очистить зрителей от этих крайностей добродетелей:

> "Das tragische Mitleid muß nicht allein in Ansehung des Mitleids, die Seele desjenigen reinigen, welcher zu viel Mitleid fühlet, sondern auch desjenigen, welcher zu wenig empfindet. Die tragische Furcht muß nicht allein, in Ansehung der Furcht, die Seele desjenigen reinigen, welcher sich ganz und gar keines Unglücks befürchtet, sondern auch desjenigen, den ein jedes Unglück, auch das entfernteste, auch das unwahrscheinlichste, in Angst setzt. Gleichfalls muß das tragische Mitleid in Ansehung der Furcht dem, was zu viel, und dem, was zu wenig, steuern: so wie hinwiederum die tragische Furcht in Ansehung des Mitleids" [Lessing: 467] («Трагическое сострадание должно не только по отношению к состраданию очищать душу того, кто чувствует слишком сильное сострадание, но и того, кто чувствует его слишком слабо. Трагический страх должен в отношении страха не только очищать душу того, кто не боится совсем никакого несчастья, но и того, в ком вызывает тревогу всякое несчастье, даже самое отдаленное, самое невероятное. Равным образом трагическое сострадание относительно страха и трагический страх относительно сострадания должны проявляться в меру, не допуская излишка или недостатка» [Лессинг: 288]).

Теория очищения Лессинга, вероятно, была наиболее близка Шевыреву. Именно Лессинг, по мнению русского критика, освободил теорию Аристотеля «от ложных западных толкований и поставил в настоящем свете» (*Шевырев*: 185). Шевырев ничего не добавляет к объяснению Лессингом страха и сострадания как основы аристотелевой теории трагедии и полностью принимает интерпретацию немецким теоретиком «того, чтò Аристотель разумел под очищением страстей» (*Шевырев*: 185).

Пространные комментарии категории очищения содержится в Изложении, сопровождающем первый русский перевод «Поэтики», выполненный Б. И. Ордынским. Аристотелевское определение трагедии он переводит следующим образом:

> «Итак, трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему величину; подражание украшенной речью (разными видами сей речи в разных частях); подражание действующим, а не в рассказе, совершающее посредством сострадания и страха очищение таковых страстей» (*Поэтика*: 8).

И в самом переводе, и в комментариях переводчик не употребляет слова *катарсис*, используя исключительно *очищение*. Приступая к объяснению этой аристотелевой категории, Ордынский указывает на обилие ее интерпретаций, которые не привели, однако, к объяснению очищения в силу своей субъективности и неспособности понять Аристотеля:

> «…все, писавшие об очищении страстей, больше излагали свои воззрения на этот предмет, чем объясняли Аристотеля, и потому Аристотеля не объяснили» (*Ордынский*: 63–64).

Из всего обилия интерпретаций очищения Ордынскому, как и Шевыреву, наиболее основательной кажется теория Лессинга. Из современных комментаторов он выделяет Е. Миллера и Ф. Раумера. Ордынский подробно излагает объяснение страха и сострадания, данные Аристотелем в «Риторике», и по переводу Гётлинга приводит фрагмент, содержащий упоминание об очищении из «Политики», которую он, согласно современной ему традиции перевода, называет «Государство».

Переходя к анализу категории очищения, Ордынский указывает на основные положения аристотелевой теории трагедии, необходимые, по мнению комментатора, для понимания очищения. Среди таковых: удовольствие, «*коренящееся в сострадании и страхе*» (*Ордынский*: 70), логическая причинно-следственная связность событий, вытекающих одно из другого по вероятности или необходимости, возникновение ужаса (sic!) и сострадания из действия, а не из внешней обстановки. В своих комментариях перевода Ордынский разграничивает страх (φόβος) и ужас (τὸ δεινόν). По его мнению, сострадание порождается страхом, ужас сострадание уничтожает и часто вызывает чувство, противоположное состраданию (*Ордынский*: 73). Аристотель говорит именно о страхе. Это тонкое наблюдение отличает интерпретацию очищения Ордынским от Шевырева и Остолопова, писавших об ужасе. Тем не менее сам Ордынский разделение страха и ужаса соблюдает непоследовательно, заменяя иногда страх ужасом.

Со ссылкой на Лессинга Ордынский показывает связь между страхом и состраданием. Страх и сострадание возникают только в душах людей, способных к страху за себя и состраданию

к другим. Человек же, «притупевший» от своих бедствий и невосприимчивый к чужим страданиям, страх и сострадание испытывать не может. Ниже по другому поводу он возвращается к этой же мысли со ссылкой на трактат Аристотеля «О душе»: «Сострадание есть даже признак человека *воспитанного*, *πεαιδευμένς*, как и вообще *чувствительность*, даже нежное тело, есть признак даровитости…» (*Ордынский*: 73). Т. е. Ордынский указывает на моральные качества зрителя, без которых невозможно очищение вне зависимости от качеств самой трагедии. Окончательно он формулирует взаимосвязь страха и сострадания так: «…возбуждается сострадание тем, что случись с нами или угрожай нам, возбуждает страх. Сострадание есть высшая степень жалости (по человечеству), *τοῦ φιλανθρώπς*» (*Ордынский*: 71–72). Жалость «по человечеству» (φιλάνθρωπον) может вызывать и «переход слишком порочного от счастия к злосчастию», но в этом случае страха и сострадания не возникнет (*Ордынский*: 72). Здесь со ссылкой на Лессинга Ордынский замечает, что если к этой жалости присоединится страх, то может возникнуть сострадание. Такая мысль далека от Аристотеля и демонстрирует ту самую попытку критика предложить свою интерпретацию очищения, о которой Ордынский говорил выше. Эта чуждая Аристотелю натяжка позволяет Ордынскому сформулировать вывод о гуманистической функции очищения. Вызванные трагедией страх и сострадание избавляют человека от эгоизма, возбуждают в нем

> «общечеловеческую любовь и сознание человеческого достоинства. <…> Лишившиеся способности чувствовать свое горе и сочувствовать чужому, жестокосердые и безнадежные, получают *врачевание*, врачуются от своей закоснелости и тупости; в способных же сострадать и страшиться эти и подобные им страсти *очищаются*, очищаются именно от всего личного, частного…» (*Ордынский*: 74–75).

В результате зрители испытывают наслаждение, «возносясь душою до общечеловеческой любви, до сознания человеческого достоинства» (Ордынский: 75). Вывод можно также признать очередной попыткой комментатора прочитать у Аристотеля созвучное собственным представлениям о трагедии. В этих

рассуждениях Ордынского об общечеловеческой любви, человеческом достоинстве и жалости «по человечеству» М. Позднев усматривает влияние сентиментализма, но замечает и сходство рассуждений Ордынского с высказываниями Гегеля [Позднев: 482, сноска].

В завершение пространного анализа категории очищения Ордынский комментирует слово «таковых» в определении трагедии: «совершающее посредством сострадания и страха очищение таковых страстей» (*Поэтика*: 8). Критик декларирует свое согласие с Лессингом, однако тут же, под влиянием собственного расширительного толкования очищения, трансформирует его концепцию. Лессинг ясно говорит об очищении страхом и состраданием страха и сострадания от их крайностей. Ордынский пишет о подобных страху и состраданию страстях:

> «Аристотель под *состраданием* и *страхом* и *подобными* страстями разумеет не только сострадание, но и всякое чувство жалости, коренящееся в любви к человечеству; не только страх, но и всякое неприятное ощущение, проистекающее от настоящего, либо от прошедшего зла, наприм<ер>, огорчение, скорбь» (*Ордынский*: 75).

Ордынский предпринял попытку комплексного описания категории очищения с учетом предшествующей традиции. Он указал на взаимосвязь очищения с другими элементами трагедии и сделал новые наблюдения над категориальным аппаратом Аристотеля. Однако его концепция очищения, даже при некотором созвучии идеям Гегеля, несет на себе отпечаток сентиментализма (см.: [Позднев: 482]) и не представляется релевантной «Поэтике» Аристотеля.

«Словарь языка Пушкина» не дает слову *очищение* самостоятельного толкования, возводя к глаголам *очистить*, *очищать* [Словарь языка Пушкина: 277]. По данным словаря, это слово употребляется Пушкиным однократно. Глагол *очистить* в произведениях Пушкина имеет два значения. Особый интерес приводимый словарем контекст представляет для толкования глагола *очистить* в первом значении: «*Сделать чистым, удалив грязь, мусор и т. п.* (1). *Перен*. Царь. - - - о Боже, Боже! Сей час явлюсь перед тобой — и душу Мне некогда

очѝстить покаяньем. *БГ* XX 59» [Словарь языка Пушкина: 276]. Здесь Пушкин приближается к аристотелевскому катарсису.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в «Словаре языка Достоевского» слова *очищение* нет.

На протяжении первой половины XIX в. отечественная литературная критика разрабатывает категорию ‘очищение’. Русские авторы не употребляют слово *катарсис* и последовательно переводят его. Усвоение этой категории происходит под влиянием европейской традиции — переводов Аристотеля на европейские языки, французских классицистов, прежде всего Ш. Баттё, А. Дасье, теоретиков немецкого Просвещения (Г. Э. Лессинг) и других. А. Ф. Мерзляков и Н. Ф. Остолопов, вслед за Ш. Баттё, придерживаются гедонистической теории катарсиса и пишут об удовольствии, вызываемом трагедией. С. П. Шевырев не уделяет категории ‘очищение’ специального внимания, полностью солидаризируясь в ее интерпретации с Лессингом. К Лессингу же апеллирует в своем пространном объяснении ‘очищения’ и Б. И. Ордынский. Он подробно анализирует связь ‘очищения’ с состраданием и страхом и отмечает гуманистическую природу ‘очищения’. Категория нравственного очищения через страдание оказалась чрезвычайно созвучной пасхальному [Есаулов, 2004] содержанию русской словесности. Очень близко к аристотелевскому ‘очищению’ подходит А. С. Пушкин. Идея нравственного очищения через страдание и сострадание пронизывает все творчество Ф. М. Достоевского [Захарова]. Она же определяет идейное содержание произведений Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Блока, Л. Андреева, А. Платонова, Е. Носова, Ф. Абрамова, В. Распутина и других авторов.

Список сокращений

Лессинг — Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия / под общ. ред. М. Лифшица; ст. В. Р. Гриба, коммент. Б. И. Пуришева. М.; Л.: Academia, 1936. 456 с. (Сер.: Классики эстетической мысли.)

Мерзляков — Краткое начертание теории изящной словесности: в 2 ч. / изд. проф. А. Мерзляковым. М.: Универ. тип., 1822. Ч. 1: [Пиитика]. 337 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/

u/000199_000009_012585009?page=310&rotate=0&theme=white&inversion=off (01.07.2026).

Ордынский — [Ордынский Б. И.] Изложение // «О поэзии», сочинение Аристотеля / пер., излож. и объясн. Б. Ордынского. М.: Тип. В. Готье, 1854. С. 41–134.

Остолопов — [Остолопов Н. Ф.] Словарь древней и новой поэзии: [в 3 ч.] / сост. Н. Остолоповым, действ. и почет. членом разных ученых обществ. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1821. Ч. 3. 500, XXX с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_CVI_005179451?page=1&rotate=0&theme=white&inversion=off (01.07.2026).

Поэтика — «О поэзии», сочинение Аристотеля / пер., излож. и объясн. Б. Ордынского. М.: Тип. В. Готье, 1854. С. 1–40.

Шевырев — Шевырев С. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 271 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003559481?page=1&rotate=0&theme=white&inversion=off (01.07.2026).

Lessing — [Lessing G. E.] Hamburgische Dramaturgie von Gotthold Ephraim Lessing. Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1856. 610 s.

Список литературы

1. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Соч.: в 4 т. / АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644. (Сер.: Философское наследие; т. 90.)
2. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Соч.: в 4 т. / АН СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680. (Сер.: Философское наследие; т. 90.)
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с. EDN: QRDEXB
4. Есаулов И. А. Мимесис, катарсис, парафрасис в античной и христианской поэтике // Евангельский текст в русской словесности: сб. тезисов докладов X Всерос. науч. конф. (с междунар. уч., Петрозаводск, 21–24 сентября 2020 г.) / отв. ред. И. С. Андрианова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. С. 34–35 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44008364_96834237.pdf (01.07.2026). EDN BEPWAM
5. Есаулов И. А. Мимесис, катарсис, парафрасис в художественном творчестве и некоторые эстетические установки Гоголя // Гоголь и мировая художественная культура: Двадцатые гоголевские чтения: сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 октября 2020 г.) / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибир. издат. дом, 2021. С. 31–38. EDN: PVKYWJ

6. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. С. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355 (01.07.2026). EDN: SFOKBV
7. Захарова О. В. Проблема катарсиса у Достоевского: из газетной полемики 1873 г. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 219–229 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (12.06.2026). EDN: RTXNED
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. М.: Фолио, 2000. [Т. 4:] Аристотель и поздняя классика. 880 с. (Сер.: Вершины человеческой мысли.)
9. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 376 с.
10. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М.; СПб.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2010. 816 с. EDN: QXZVEP
11. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. Т. 3. 1283 с.
12. Aristotle. Poetics. Lieden, Boston: Brill, 2012. 538 p.
13. Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike: [in 16 Bd.] / hrsg. von H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 1996. Band 1: A — Ari. 1154 Kol.

References

1. Aristotle. Politics. In: *Aristotel'. Sochineniya*: *v 4 tomakh* [*Aristotle. The Works*: *in 4 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, pp. 375–644. (Ser.: Philosophical Heritage; vol. 90.) (In Russ.)
2. Aristotle. Poetics. In: *Aristotel'. Sochineniya*: *v 4 tomakh* [*Aristotle. The Works*: *in 4 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, pp. 645–680. (Ser.: Philosophical Heritage; vol. 90.) (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. EDN: QRDEXB (In Russ.)
4. Esaulov I. A. Mimesis, Catharsis, and Paraphrasis in Classical and Christian Poetics. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy slovesnosti*: *sbornik tezisov dokladov X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem, Petrozavodsk, 21–24 sentyabrya 2020 g.)* [*The Gospel Text in Russian Literature*: *A Collection of Abstracts from the 10th All-Russian Scientific Conference (with International Participation, Petrozavodsk, September 21–24, 2020)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2022, pp. 34–35. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44008364_96834237.pdf (accessed on July 1, 2026). EDN: BEPWAM (In Russ.)
5. Esaulov I. A. Mimesis, Catharsis, and Paraphrasis in Artistic Creation and Some of Gogol's Aesthetic Principles. In: *Gogol' i mirovaya khudozhestvennaya*

kul'tura: *Dvadtsatye gogolevskie chteniya*: *sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 8–10 oktyabrya 2020 goda)* [*Gogol and World Artistic Culture*: *The Twentieth Gogol Readings*: *A Collection of Scholarly Articles Based on the Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, October 8–10, 2020)*]. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom Publ., 2021. pp. 31–38. EDN: PVKYWJ (In Russ.)

6. Zakharov V. N. Historical Poetics and Its Categories. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, vol. 2, pp. 3–9. Available at: https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355 (accessed on July 1, 2026). EDN: SFOKBV (In Russ.)
7. Zakharova O. V. The Concept of Catharsis in Fyodor Dostoevsky's Works: From the Newspaper Polemics of 1873. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 219–229. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (accessed on July 1, 2026). EDN: RTXNED (In Russ.)
8. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki* [*The History of Ancient Aesthetics*]. Moscow, Folio Publ., 2000, vol. 4: Aristotle and the Late Classics. 880 p. (Ser.: The Pinnacles of Human Thought.) (In Russ.)
9. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy* [*History of Aesthetic Categories*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965. 376 p. (In Russ.)
10. Pozdnev M. M. *Psikhologiya iskusstva. Uchenie Aristotelya* [*Psychology of Art. Aristotle's Teaching*]. Moscow, St. Petersburg, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2010. 816 p. EDN: QXZVEP (In Russ.)
11. *Slovar' yazyka Pushkina*: *v 4 tomakh* [*Dictionary of Pushkin's Language: in 4 Vols*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, vol. 3. 1283 p. (In Russ.)
12. Aristotle. *Poetics*. Lieden, Boston, Brill Publ., 2012. 538 p. (In English)
13. *Der neue Pauly*: *Enzyklopädie der Antike*: *in 16 Bd.* [*The New Pauly*: *Encyclopedia of Antiquity*: *in 16 Vols*]. Stuttgart, Weimar, Verlag J. B. Metzler Publ., 1996, vol. 1: A — Ari. 1154 Columns. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нилова Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4230-5972; e-mail: annnilova@yandex.ru.

Anna Yu. Nilova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature, and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4230-5972; e-mail: annnilova@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 30.08.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 01.11.2026
Принята к публикации / Accepted 01.11.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026